

© 1992 г. Йокояма О.

ТЕОРИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ И ПРОБЛЕМАТИКА ПОРЯДКА СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

0. Введение.

Попытки систематического научного описания порядка слов в русском языке стали предприниматься после вхождения в языковедческий обиход таких функциональных понятий, как тема и рема, предложенных впервые еще в двадцатых годах В. Матезиусом¹. Как неоднократно указывалось исследователями, эти понятия, как и смежные с ними понятия "данного", "известного", "знакового" или "нового", "неизвестного", "незнакового", страдали в известной степени расплывчатостью. Отсутствие четкого определения этих категорий, по сути своей прагматических, кажется теперь естественным, если принять во внимание относительную новизну прагматического раздела теоретического языкознания, не осмысленного систематически ни во время введения этих понятий, ни в последующие десятилетия.

При встрече с прежде не изученными фактами языка, требующими радикального пересмотра установившихся определений и создания глобальной теории высказывания, в рамках которой старые "рабочие" понятия темы и ремы обрели бы научную обоснованность, предпринималась (взамен таких новаторских усилий) "починка" старых мехов, как, например, дробление темы на первичную и вторичную, введение понятия рамочной структуры и другие тому подобные уточнения существующих понятий, приемлемые для обсуждаемого материала, но не опирающиеся на общую теорию высказывания и, следовательно, нередко приводящие к внутренним противоречиям в системе описания русского языка. Между тем порядок слов в славянских языках, и в частности в русском, представляет собой обильнейший материал для изучения дискурсивных процессов, т.е. той части прагматики, которая исследует соотношение таких прагматических категорий, как представление участников речевого акта о том, что знает собеседник вообще и на чем сосредоточено его внимание в момент языкового общения. Грамматический строй русского предложения, преимущественно благодаря наличию падежа, является самодовлеющей системой в отношении пропозициональной семантики; он способен полностью выразить те отношения внеязыковой действительности, которые говорящий стремится описать, т.е. денотативное содержание высказывания. В результате этого могучее семиотическое средство — линейная последовательность элементов высказывания — освобождается для выполнения других функций, а именно функций неденотативного, непропозиционального порядка.

¹ Матезиус [1] продолжил в этом отношении идеи Вейля [2]. Теория Матезиуса, в свою очередь была развита в чешской традиции Данешем, Докулилом, Фирбасом, Сгаллом и др. (см. [3—7]); решающее значение в создании научного описания порядка слов в русском языке имела монография Адамца [8]. В русском языкознании вариативность словорасположения отметил уже Ломоносов, хотя о связности порядка слов и о роли контекста заговорил впервые Шахматов [9]. Среди больших трудов, посвященных порядку слов следует отметить работы Распопова [10], Саротининой [11], Золотовой [12], Ковтуновой [13—14]. К сожалению, перечисление всех работ, анализирующих порядок слов в русском языке, вышедших за последнюю четверть века, в данной статье предпринять невозможно.

Чрезвычайная эффективность линейной последовательности в семиотических системах вообще (перемена последовательности фоном, например, порождает новый знак: *он и но, там и мат* и т.д.) является гарантией того, что функции, которые берет на себя порядок слов, ни в одном языке не могут быть второстепенными. Анализ этих функций в русском языке должен неизбежно натолкнуть исследователя-теоретика на путь становления гипотезы о роли неденотативной, непропозициональной информации в высказывании, о роде и видах этой информации, о том, как она бывает закодирована, и о всей той части коммуникативной системы, которая описывает не состояние мира, сообщаемое адресантом адресату, а некие другие факты, связанные с самим речевым актом и его участниками. Изучение так называемого свободного порядка слов, следовательно, должно привести языковедов к открытию и описанию универсальной коммуникативной системы языка, лишь составной частью которой является грамматика пропозициональной семантики.

1. Теория коммуникативной компетенции.

Именно таким образом была создана предлагаемая вниманию читателя общая теория коммуникативной компетенции (transactional discourse model — TDM). Анализ коммуникации как процесса передачи знания от одного собеседника другому в соответствии с правилами кооперации выявляет ряд общих закономерностей дискурса и объясняет многие языковые факты, которые до недавнего времени было принято считать областью синтаксиса или стилистики². В модели, созданной на основании этой теории, собеседники А и В представлены двумя пересекающимися множествами знаний А и В. В состав множеств А и В входят подмножества С_а и С_б, состоящие из той части их знаний, которая активизирована в момент, непосредственно предшествующий высказыванию³. В тот момент, когда А начинает говорить, С_а является подмножеством С_б, так как у приготовившегося говорить активизированных знаний больше, чем у приготовившегося слушать, по крайней мере на ту пропозицию, которую говорящий намеревается сообщить слушающему. В момент, последующий высказыванию, эта разница бывает сведена к нулю, поскольку теперь названная пропозиция стала частью не только С_а, но и С_б; другими словами, множества С_а и С_б совпали.

Предлагается различать семь видов знания: знание кода (подразумевается так называемая языковая компетенция, т.е. знание грамматики и лексикона), референтное знание (позволяющее "наклеить этикетку" на референта, вычленив его из множества подобных ему), пропозициональное знание (позволяющее назвать определенное действие, например, *пишет, ест*), предикационное знание (позволяющее задать вопрос "Что случилось?", когда человек знает, что что-то случилось, но не знает, что именно), спецификационное знание (позволяющее назвать участников и обстоятельства действия, например, ответить на вопрос

² Среди работ, анализирующих некоторые некооперационные речевые акты (как ложь, манипуляцию), дискурсивные частицы *же* и *ведь* и явления лексической семантики в рамках TDM [15—19]; некоторые принципы модели используются в анализе литературного текста в работе Зайцевой [20]; как пример литературного анализа, использующего описание русской литературы в рамках данной теории, см. [21].

³ Картина множеств знаний А и В и их подмножеств С_а и С_б (а также их соотношений), которую представляет себе адресант, может не совпадать с картиной, представляемой себе адресатом, поскольку каждый из собеседников (не обладая даром ясновидения) представляет себе эту картину по-своему (т.е. субъективно). Вместе с тем и та, и другая картина может не соответствовать истинной, объективной картине, принципиально недоступной собеседникам. Говорящему остается только предполагать, какова эта картина в действительности, и строить свое высказывание на основе своих субъективных предположений. В обязанности кооперационно настроенного адресата входит внесение поправок в коммуникационные просчеты, "просвечивающие" из высказывания адресанта. Так в процессе коммуникации собеседники постоянно преодолевают свою субъективную ограниченность. В излагаемом в данной статье упрощенном описании модели соотношения множеств А, В, С_а и С_б будут характеризоваться так, как их представляет себе говорящий.

"Что это там упало?"), экзистенциальное знание (позволяющее спросить: "Кто это?", когда говорящий знает, что субъект, названный местоимением, существует, но может и не обладать референтным знанием его) и знание дискурсивной ситуации (предположение говорящего о том, что содержится во множествах знаний A , B , C_a и C_b , а также об отношениях между этими множествами, т.е. о том, что содержится в их пересечениях). Знание кода и знание дискурсивной ситуации, являясь видами знания, необходимыми для осуществления самого информационного процесса, называются метайнформационным знанием, отличающимся от остальных пяти видов знания, которые являются информационным знанием. Названные виды знания отчасти предполагают друг друга (так, пропозициональное знание предполагает предикационное знание и экзистенциальное знание участников действия⁴).

2. Динамика первых высказываний.

2.1. Минимальный контекст первого высказывания. Для анализа коммуникативного процесса эвристически существенно разграничение первого высказывания и всех других, "непервых" высказываний. Первое высказывание можно считать наиболее возможным приближением к контекстуально или конситуативно⁵ необусловленным высказываниям (т.е. к высказываниям в нулевом контексте). Единственные объективно вероятные два вида знания, занимающие внимание обоих собеседников (т.е. находящиеся в пересечении C_a и C_b) перед прототипическим первым высказыванием — это: (а) дейктический ряд $\{DEIXIS\} = \{ego, tu, hic, nunc\}$, т.е. референтное знание предполагаемых участников коммуникативного акта и их ориентация по месту и времени высказывания, и (б) предикационное знание, т.е. знание того, что нечто совершилось (или совершается или совершится), что и будет выражено предикатом нарождающегося высказывания. Этим объективно вероятным содержанием пересечения C_a и C_b в начале первого высказывания определяется ряд референтных выражений, издавна считающихся в литературе "данными", а именно: *я (меня, мне, у меня и т.п.), мы, ты, вы, здесь, тут, теперь, сейчас, сегодня*. Положение элементов, соответствующих $\{ego, tu, hic, nunc\}$, в начале русского высказывания при немаркированной интонации⁶ следует из местонахождения этого дейктического ряда в пересечении подмножеств C_a и C_b .

2.2. Импозиция. Минимальный объективный контекст первого высказывания (т.е. дейктический ряд $\{ego, tu, hic, nunc\}$ и синонимы его членов) не даст, однако, еще основания начинать высказывание, скажем, со слов вроде *завтра, в прошлом (или в 1922) году, в этом парке, в Париже, к Петровым или Пашеньку (Пашеньку, Пашеньке и т.п.)*, так как нет никаких оснований объективно считать, что при минимальном контексте первого высказывания в пересечении подмножеств C_a и C_b находится референтное значение этих единиц (т.е. что в момент абсолютного начала диалога можно объективно предположить, что и говорящий и слушающий думают именно о завтрашнем дне, о 1922 году, о Париже или о Пашеньке), хотя сам говорящий может, несомненно, о них думать. Тот факт, что высказывания типа *Завтра будет дождь, В Париже я пойду в Лувр, К Петровым приехала бабушка или На Пашеньку опять накричал этот*

⁴ Полное описание TDM на английском языке можно найти в книге автора [22]. На русском языке теория описывается в сжатом виде в рецензиях Голубевой-Монаткиной [23] и Янко [24]; на французском и немецком языках см. рецензии Миньо [25] и Ружички [26].

Далее термин "контекст" будет использоваться в широком смысле, включая и вербализованный текст в конституцию.

⁶ В последующем описании интонация приводимых высказываний будет немаркированная, т.е. такая, в которой на последней синтагме реализуется ИК-1; подробно о соотношении интонации и порядка слов в рамках предлагаемой теории см. [22, с. 176—204].

вахтер с Литейной вполне приемлемы в качестве первых, контекстуально необусловленных высказываний, вызвано силами совершенно иного характера⁷.

Объяснение подобным примерам в рамках TDM следует из понятия импозиции, т.е. "навязывания". При соответствующих дискурсивных условиях говорящий позволяет себе отступить от единственного объективно оправданного предположения, что внимание обоих собеседников в данный момент сосредоточено исключительно на {ego, tu, hic, nunc} и на предикационном знании. Он позволяет себе взять исходным положением своего высказывания такую дискурсивную ситуацию, в которой то знание, на котором сосредоточено его собственное внимание в данный момент, как бы "без оглядки на адресата" помещается в пересечение S_a и S_b . Так говорящий навязывает адресату заинтересованность в том, что интересует его самого в данный момент.

Причины, заставляющие говорящего сосредоточивать свое внимание на некоторых объектах, могут быть как более субъективными, так и более объективными. Чем объективней мотивация навязывания, тем менее ее проявление зависит от социальной или психологической дистанции между собеседниками. Если навязываемая единица знания связана с содержащимися в {ego, tu, hic, nunc} элементами посредством языкового кода (сюда относятся, например, ассоциативные ряды типа *сегодня, вчера, завтра*), импозиция этой единицы вполне допустима в качестве первого высказывания даже в разговоре с незнакомым. Отсюда высокая степень приемлемости таких первых высказываний, как *Завтра будет дождь*. Чем индивидуальнее ассоциация между элементами в {ego, tu, hic, nunc} и интересующей адресанта в данный момент единицей референтного знания, чем менее она предсказуема (например, связь между говорящей и ее сыном Пашенькой — индивидуальный факт, не предсказуемый ни одним языком и известный только ограниченному числу близких знакомых), тем ближе должны быть отношения между собеседниками, чтобы оправдать импозицию этой единицы, а следовательно, и положение соответствующего слова в начале высказывания. Наиболее благоприятным условием для подобной сугубо субъективной импозиции является такая ситуация, когда референт навязываемой единицы представляет собой одновременно функцию обоих собеседников, т.е. $F(ego, tu)$. На практике это означает, что высказывания вроде *На Пашеньку опять накричал этот вахтер* наиболее приемлемы по адресу человека, столь же близкого Пашеньке, сколь и говорящий. В связи с этим существенно то, что сам выбор референтного выражения *Пашенька* (а не Павел, Павел Иванов, Иванов и т.п.) уже свидетельствует о близости к Пашеньке не только адресанта, но и адресата, а также и о близости между собеседниками (см. [27])⁸.

Континуум условий реализации импозиции, объясняющих приемлемость первых высказываний от *Завтра будет дождь*, до *На Пашеньку накричал вахтер*, определяется, таким образом, сложным взаимодействием разнообразных языковых и прагматических связей, переплетающихся с фактами как личных, так и социальных отношений между участниками речевого акта и участниками речевого акта и участниками сообщаемого события. Суть предлагаемого объяснения состоит в том, чтобы выявить те принципиально разнородные явления, которые скрываются под привычным, но далеко не ясным термином "тема". Речь идет не просто об уточнении терминологии, а о том, что ссылкой на недифференцированное

⁷ Подобные примеры приводятся Янко [24, с. 31—32], которая считает, что для объяснения их необходимо обратиться к традиционному понятию темы. Мы не отрицаем, что их можно объяснить, назвав словосочетания, помещенные в начало высказывания, темой или тем, о чем далее идет речь. Такое решение проблемы, однако, грозит замкнутым кругом, которого можно избежать только при помощи независимого определения темы.

⁸ Сосредоточенность внимания говорящего на Пашеньке может также пониматься как эмпатия говорящего к Пашеньке; об эмпатии см. [28]. Отметим, что то же говорил уже Якобсон [29], объясняя вариативность в порядке слов в предложениях *Эстония соседит с Латвией* и *Латвия соседит с Эстонией* "ведущей ролью" первого актанта в этих предложениях.

понятие темы затемняется наличие и сложнейшее взаимодействие целого ряда прагматических факторов, действующих и на других уровнях языка, а это, в свою очередь, лишает молодую и еще только создающуюся теорию прагматики богатейшего материала, предоставляемого русским и другими славянскими языками.

Итак, импозиция не полярна, а скорее представляет шкалу, отражающую все сложности и тонкости человеческих отношений и настроений. Ее можно считать одним из важнейших прагматических моментов речевого поведения человека, принципиально оправдываемых субъективным характером наших отношений к содержанию высказывания, нашей способности эмпатизировать. Импозиция прагматична и тем, что проявление ее зависит от отношений между собеседниками: адресант скорее всего воздержится от импозиции в разговоре с посторонним человеком, с человеком, стоящим в социальном отношении выше его, с человеком, к которому он хотя бы временно чувствует отчуждение⁹. Импозиция четко проявляется в выборе референтных выражений в речевом поведении носителей разных языков, а также влияет и на другие языковые процессы, свойственные многим языкам, как-то: эллипсис, прономинализацию, логическое выделение и др.¹⁰

2.3. Грамматические факторы. Возможны случаи, когда порядок слов нельзя объяснить ни объективным местонахождением соответствующего референтного знания в определенном пересечении, ни импозицией. В первом высказывании может, например, выступать сразу и *ego* и *tu*, оба находящиеся в пересечении *S*₁ и *S*₂ (как в предложении *Я вас любил*), или же оба референта могут быть в одинаковой мере неизвестны ни адресанту, ни адресату и не входить ни в то, ни в другое множество знаний (как в предложении *Кто-то кого-то переехал*). Говорящий может также, конечно, находиться в таких отношениях с адресатом, которые исключают импозицию, несмотря на испытываемую им эмпатию к одному из участников сообщаемого события. Что же в таких случаях определяет порядок актантов в подобных высказываниях? В таких, и только в таких случаях русский язык прибегает к грамматическим категориям¹¹.

⁹ Речь идет о взрослом, культурном адресанте. Следует указать, однако, что могут быть разногласия среди взрослых культурных носителей одного и того же языка по поводу умения проявления импозиции в каждом отдельном случае, зависящие от их видения мира, настроения и темперамента. Разные коммуникативные жанры (беллетристика, фольклор, непринужденная речь, научная речь, юридический текст и т.д.) также допускают импозицию в разной степени. Отметим, что одна из характерных черт просождения, описанная Китайгородской [30], а именно употребление местоимений без antecedента, мотивируется импозицией, отражающей отсутствие у говорящего ощущения дистанции, свойственного культурному человеку. Подобное отсутствие ощущения дистанции наблюдается и у подростков ("эгоизм молодости"), и у людей культурных, но в смутном душевном состоянии или просто чрезмерно сосредоточенных на себе и своих переживаниях.

¹⁰ Эллипсис бывает как грамматического, так и прагматического характера. В предложении *Николай сказал, что придет завтра* опущение субъекта в придаточном предложении обуславливается грамматическими законами, которые действуют независимо от отношений между собеседниками (приемлемо будет и *Товарищ Петров сказал, что вернется завтра*, и *Коляка сказал, что вернется завтра*). Опущение подлежащего в признании в любви, с другой стороны, обуславливается отношениями между адресантом и адресатом и характером коммуникации: в порыве чувства и при близости отношений можно сказать *Люблю тебя*, но в официальном признании, сопутствующем формальному предложению, или в признании женщине, с которой издавна установились вежливые отношения на "вы" и на руку которой давно потерявший надежду говорящий, возможно, и не претендует, подобное опущение едва ли состоится: *Я люблю Вас (Наталью Николаевну)*, *Я люблю Вас всю жизнь*. О прагматическом характере логического выделения можно судить хотя бы по тому, что оно является супraseгментным эквивалентом порядка слов в русском языке, а также по тому, что оно нередко используется для выражения предположений говорящего о наличии или отсутствии разных видов знания у адресата в языках, где порядок слов играет преимущественно грамматическую роль; о прагматическом характере прономинализации см. в примеч. 9.

¹¹ Несмотря на подавляющее преобладание работ на Западе, в которых порядок слов во всех языках трактуется как распределение именно грамматически определяемых компонентов (например, SVO, SOV и т.п.); см., например [31].

Свидетель события, пробившийся из центра событий к тому месту, где стоят поодаль непосвященные прохожие, может сообщить им: *Кто-то кого-то переехал*, именно в том порядке: субъект, объект. Референтное знание как переехавшего, так и того, кого переехали, не входит в состав знаний адресанта. Следовательно, оно не может и быть частью пересечения S_a и S_b . Начальное положение подлежащего в этом высказывании, как и в предложении *Я вас любил*, объясняется грамматической разницей между агенсом и пациентом. Отметим, что место предиката в предложении *Я вас любил* следует из общего правила, согласно которому в первых высказываниях предикат следует за единицами референтного знания, находящимися в пересечении S_a и S_b ¹². С этой точки зрения словорасположение имен и предиката в предложении *Кто-то кого-то переехал* представляет собой мотивированное исключение из этого правила и объясняется, в свою очередь, коммуникативным динамизмом¹³: в данном высказывании коммуникативный динамизм явно выше в информационно насыщенном глаголе, чем в неопределенных местоимениях, указывающих на его актантов.

Итак, только за неимением возможности руководствоваться различием в местонахождении единиц или прибегать к импозиции обращается говорящий в своем первом высказывании к абстракции грамматических отношений. Это принципиально существенно, так как этим выявляется прагматическая сущность порядка слов в русском языке. Анализ порядка слов в первых высказываниях подтверждает это положение.

3. Динамика первых высказываний.

Первые высказывания отличаются от первых тем, что в момент, предшествующий первому высказыванию, можно рассчитывать на местонахождение в пересечении S_a и S_b не только предикационного знания и {DEIXIS}-а, но и всего того, что было перемещено туда в результате предшествующего высказывания¹⁴. Этим, естественно, увеличивается набор знаний, имеющих достаточно объективное право (благодаря своему местонахождению в пересечении S_a и S_b) занять начальную позицию в следующем, первом высказывании. В остальном динамика первых высказываний в принципе параллельна динамике первых: первые высказывания допускают импозицию, мотивируемую сложным взаимодействием языковых и прагматических ассоциаций и зависящую также от факторов как личных, так и социальных отношений между участниками речевого акта и участниками сообщаемого события. Единицы знаний, помещенные говорящим в пересечение S_a и S_b посредством импозиции, ставятся на первое место в высказывании¹⁵. Словорасположение единиц, находящихся в одном и том же пересечении, управляется грамматическими отношениями.

¹² В предложениях типа *Посадил дед репку* мы усматриваем реализацию другой системы, в которой предикат предшествует единицам референтного знания, находящимся в пересечении S_a и S_b . Если следующая за предикатом единица референтного знания находится в пересечении S_a и S_b , она бывает лишена синтагменного статуса, т.е. становится слабоакцентированной (или становится полуэнклитикой); такой порядок слов наблюдается в первых высказываниях типа *Была я вчера в кино*. Если следующая за предикатом единица знания не находится в пересечении S_a и S_b , она потенциально сохраняет свою синтагменную самостоятельность, как в предложении *Посадил дед репку*, выступающем в роли первого высказывания. Обе системы сосуществуют в современном русском языке, будучи дифференцируемы, возможно, по линии различия народной и литературной речи (подробнее см. [22, с. 284—288]); в речи носителя литературного языка эти системы представляют собой вид диглоссии (см. [32, с. 21]).

¹³ Фирбас определяет коммуникативный динамизм как способность данного элемента способствовать развитию дискурса, как то, что "толкает" его вперед (см. [33] и другие работы того же автора).

¹⁴ Или предшествующих высказываний; автор затрудняется на данной стадии сформулировать законы, управляющие "оборотом" знаний, находящихся в пересечении S и S на протяжении распространенного дискурса.

¹⁵ За исключением вопросительных местоимений, которых здесь не будем касаться (см. [22, с. 229—243]).

Обратимся к примеру. В момент, последующий первому высказыванию *А Я вчера встретила Сашу*, в пересечении S_1 и S_2 находится и референтное знание {Саша}, и пропозициональное знание X встретил Y , и спецификационное знание $X = я, Y = Саша$, не говоря уже о знаниях, предполагаемых названными единицами знания. Соответственно, если A (или B) предполагает, что эти единицы знания находятся в пересечении S_1 и S_2 и избирает одну из них для упоминания в начале следующего высказывания, то такой выбор является объективно оправданным. В качестве следующего используется высказывание *Его приглашают в Оксфордский университет*, которое опирается, таким образом, только на объективность: местоимение указывает на Сашу, референтное знание которого действительно находится в пересечении S_1 и S_2 .

Иное дело, когда говорящий продолжает словами *Его жену приглашают в Оксфордский университет*. В этом случае адресант исходит из предположения, что прагматический ассоциативный ряд референтного знания Саши и его жены вызван предыдущим высказыванием в сознании обоих собеседников; он навязывает адресату ряд {Саша, жена Саши}. На это адресат мог бы реагировать и удивленно: *Какая жена? А разве Саша женат??*, выявляя этим субъективный характер импозиции.

Импозитировать можно не только референтное знание. Рассмотрим пример импозиции целой пропозиции: *...иностранец вдруг поднялся и направился к писателям. Те поглядели на него удивленно* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Казалось бы, второе предложение тут вполне синонимично варианту с другим порядком слов: *Те удивленно поглядели на него*. Булгаков тем не менее предпочел поставить обстоятельство образа действия именно в конец фразы. Предполагаем объяснить его выбор импозицией, что доказываемся следующим образом.

Начнем с того, что немаркированным в русском языке нужно считать положение обстоятельства образа действия перед глаголом: *Те громко рассмеялись, Те медленно надели перчатки* кажутся нам естественными предложениями. Заметим, однако, что в то время как в булгаковском контексте удивленно могло бы стоять и перед глаголом, внося этим лишь едва ощутимую разницу, о которой речь пойдет ниже, в двух других приведенных выше фразах, в том же контексте (т.е. в сцене встречи на Патриарших прудах, после фразы... *иностранец вдруг поднялся и направился к писателям*), наречия *громко* и *медленно* оказались бы неприемлемы в вариантах с обстоятельством образа действия на конце предложения: *...иностранец вдруг поднялся и направился к писателям. *Те рассмеялись громко / *Те надели перчатки медленно*. Те же два предложения были бы, с другой стороны, приемлемы, если бы наречие находилось в них перед глаголом. Значит, *Те удивленно поглядели на него* и *Те поглядели на него удивленно* одинаково приемлемы в данном контексте (хотя и не полностью однозначны¹⁶), в то время как *Те медленно надели перчатки* и *Те надели перчатки медленно* отличаются тем, что только варианты с причастием перед глаголом оказываются приемлемыми.

Эта разница между "глядением" и "надеванием перчаток" или "смехом" раскрывает нам поведение импозиции в непервых высказываниях. Объективно говоря, в момент, последующий высказыванию *...иностранец вдруг поднялся и направился к писателям*, в пересечении S_1 и S_2 имеется референтное знание местоимения {те}; специфицированной пропозиции *Те поглядели на него* в этом пересечении объективно не содержится. Если бы автор придерживался только объективности, он написал бы *Те удивленно поглядели на него*, показывая тем, что он считает только референтное знание {те} владеющим и его и читательским вниманием в момент начала следующего предложения. Автор тем не менее позволяет себе навязать читателю пропозицию *Те поглядели на него*, импозиционно

¹⁶ Вспомним Пешковского: "...всякая перестановка (порядка слов — *И.О.Т.*) создает новый оттенок речи, ... чувствуется внутренняя разница, как бы ни была она тонка и мало уловима" [4].

помещая ее в пересечение S_4 и S_5 и тем оправдывая помещение обстоятельства в конец предложения. Говоря другими словами, автор обходится с пропозицией *Те поглядели на него* как с уже известной читателю и владеющей его вниманием в момент начала следующей фразы, нарушая при том объективность повествования. "Договор" между автором и читателем допускает эту степень импозиции, и автор создает некоторое единство точки зрения, союз с читателем, пользуясь своим правом импозировать.

Автор, однако, не может пользоваться правом импозиции безгранично. Дело в том, что в данном контексте читателю не так уж трудно предположить, что сидевшие на соседней скамейке литераторы поглядели на направившегося к ним иностранца. В том же контексте надевание перчаток (или смех) показались бы неоправданной реакцией на приближении иностранца. Даже если бы автору и было нужно почему-либо сообщить читателю, что после того, как иностранец направился к писателям, последние надели перчатки, он бы не смог навязать читателю пропозицию *Те надели перчатки*. Автор вынужден был бы остаться в рамках объективности, предположить, что в пересечении S_4 и S_5 имеется референтное знание местоимения (те) (а не вся пропозиция *Те надели перчатки*), и написать *Те медленно надели перчатки*. Отсюда и неприемлемость этих предложений с наречием в конце фразы.

4. Заключение.

В статье изложены основные положения теории коммуникативной компетенции (TDM), позволяющие объяснить некоторые традиционные понятия актуального членения при помощи ряда прагматических понятий, характеризующих участников речевого акта, их знания, их внимание и их отношение друг к другу и к участникам сообщаемого события. Существенную роль играет импозиция, прибегая к которой говорящий обходится с интересующими его единицами знания как с уже известными адресату и владеющими его вниманием.

Когда одна и та же категория распознается в ряде формально различающихся компонентов одной системы, эта категория может претендовать на общность. Если таким коммуникативным понятием, как импозиция, можно объяснить целый ряд языковых процессов (включая те, которые неоднократно и unsuccessfully пытались объяснить чисто формальным синтаксическим механизмом¹⁷, то участие импозиции в сложных и далеко еще не полностью освоенных законах, управляющих порядком слов (или его фонологическим коррелятом, логическим выделением) в русском языке, не должно никого смущать. Проявление той же категории в разных языках должно быть истолковано как указание на ее универсальность. И, думаю, что в языковом общении, как и во всем прочем, могло бы быть универсальнее человеческой тенденции исходить из субъективного видения мира, человеческой склонности к эгоцентризму и человеческой способности тем не менее иногда принять точку зрения другого?

¹⁷ Как пример формального синтаксического объяснения того, что скорее всего объясняется импозицией, приведем попытки целого ряда исследователей Брезнан, Гримшо, Эрнст, Ларсон, Мак Коли объяснить один факт английского языка, на который указал в 1972 г. Джекендофф [35], речь идет о допустимости варьирования порядка слов в паре *John carefully opened the window* (Джон осторожно открыл окно) и *John opened the window carefully* (Джон открыл окно осторожно) и недопустимости такого же варьирования в синонимичной им паре **John with care opened the window* и *John opened the window with care*. Заметим, что условия помещения обстоятельства образа действия в конец предложения аналогичны и в русском и в английском языке. В отличие от обстоятельства образа действия *carefully* (осторожно), необходимым условием употребления обстоятельства образа действия *with care* (с осторожностью) в английском языке является, очевидно, наличие импозиции пропозиционального знания, в результате чего *with care* не терпит немаркированного, неимпозиционного положения перед глаголом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Mathesius V.* Zur Satzperspektive im modernen Englisch // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. 1929. P. 155.
2. *Weil H.* De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparées aux langues modernes: question de grammaire générale // Recueil de travaux originaux ou traduits relatifs à la philologie et à l'histoire littéraire, Collection philologique, № 3. P., 1844.
3. *Daneš F.* Intonace a věta ve spisovné češtině. Praha. 1957.
4. *Dokulil M., Daneš F.* K tzv. významové a mluvnické stavbě věty // O vědeckém poznání soudobých jazyků. Praha, 1958.
5. *Firbas J.* Poznámky k problematice anglického slovního pořádku z hlediska aktuálního členění větného // Sborník prací filosofické fakulty brněnské university. A (5), Brno, 1956.
6. *Sgall P.* Functional sentence perspective: A generative description // Prague studies in mathematical linguistics. 2. Praha, 1967.
7. *Sgall P., Hajičová E., Panevová J.* The meaning of the sentence and its semantic and pragmatic aspects. Dordrecht; Prague, 1986.
8. *Адамец П.* Порядок слов в современном русском языке // Rozpr. Československé Akademie Věd, Řada společenských věd. 1966. 76. S. 15.
9. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. I. Л., 1925. С. 19—25.
10. *Распопов И.П.* Актуальное членение предложения. Уфа, 1961.
11. *Сиротинина О.* Порядок слов в русском языке. Саратов, 1965.
12. *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
13. *Ковтунова И.И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
14. *Ковтунова И.И.* Русская грамматика / Отв. ред. Шведова Н.Ю., 1980.
15. *Yokoyama O.T.* Disbelief, lies and manipulations in a transactional Discourse model // Rhetoric of lying (Argumentation 2.1) / Ed. Parret H. 1988.
16. *Yokoyama O.T.* Responding with questions in colloquial Russian // Harvard studies in Slavic linguistics / Ed. Yokoyama O.T. Cambridge, 1990.
17. *Йокояма О.К.* Анализ русских сочинительных союзов // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Отв. ред. Арутюнова Н.Д. М., 1990.
18. *Parrott L.* Argumentative *že* in discourse // Harvard studies in Slavic linguistics / Ed. Yokoyama O.T. Cambridge, 1990.
19. *Zaitseva V.* Conditions for the presence of the dative NP in Russian impersonal constructions // Harvard studies in Slavic linguistics / Ed. Yokoyama O.T. Cambridge, 1990.
20. *Zaitseva V.* Pragmatic features at the morphosyntactic level: the speaker's point of view expressed by verbal prefixes and some syntactic structures. Harvard University, 1991.
21. *Yokoyama O.T.* Zolženko's intonation // Studies in poetics: A volume to commemorate Krystyna Pomorska / Ed. Halle M., Semeka-Pankratov E. Los Angeles, 1992.
22. *Yokoyama O.T.* Discourse and word order. Amsterdam, 1986.
23. *Голубева-Монаткина Н.И.* // ВЯ. 1991. № 2. Реч. на кн.: Yokoyama O.T. Discourse and word order.
24. *Янко Т.Е.* Информационная модель диалога // НТИ. Сер. 2: Информационные процессы и системы. № 12. М., 1990.
25. *Mignot X.* BSLP. 1988. Rec.: Yokoyama O.T. Discourse and word order.
26. *Růžička R.* // Kratylós. 1992. Rec.: Yokoyama O.T. Discourse and word order.
27. *Успенский Б.А.* Поэтика композиции. М., 1970.
28. *Kuno S., Kaburaki E.* Empathy and syntax // LIn. 1977. 8.
29. *Jakobson R.* Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutungen der russischen Kasus // TCLP. 1936. VI.
30. *Китаigorodская М.В.* Наблюдения над построением устного просторечного текста // Разновидности городской устной речи / Отв. ред. Шмелев Д.Н., Земская Е.А. М., 1988.
31. *Greenberg J.H.* Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // Universals of language / Ed. Greenberg J.H. Cambridge, 1963.
32. *Земская Е.А., Китаigorodская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы, словообразование, синтаксис. М., 1981.
33. *Firbas J.* On the concept of communicative dynamism in the theory of functional sentence perspective // Sborník prací filosofické fakulty brněnské university. A (19). Brno, 1971.
34. *Пешиковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1914. С. 69.
35. *Jackendoff R.S.* Semantic interpretation in generative grammar. Cambridge, 1972.